

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

С Л О В О

въ недѣлю мясопустную*)

Если въ толпѣ кто-либо крикнетъ: „пожаръ!“ не всѣ ли тотчасъ потеряютъ спокойствіе и равновѣсіе духа, начнутъ искать выхода, а если выходъ не обезпеченъ, то не приходятъ ли въ ужасъ, заставляющій забыть все остальное и искать только одного спасенія жизни? Но вотъ св. Церковь вопіетъ: „судъ при дверехъ! огонь геенны уже возгорѣлся во многихъ душахъ! а люди слышать то почти равнодушно, и никто не трогается почти, чтобы предпринять хотя нѣчто для спасенія погибающей души. Если и во снѣ человѣкъ увидитъ пламя страшнаго пожара, то не проснетъ ли отъ ужаса? Церковь же живописуетъ въ умѣ людей страшный судъ и пламя геенны всѣми чертами, способными возбудить отъ духовнаго сна, но люди никакими описаніями не трогаются и безпечно продолжаютъ оставаться въ духовномъ снѣ часто до самаго конца жизни.

Почему же такъ человѣкъ не радить о гибнущей душѣ своей? Очевидно, оттого, что не вѣритъ всему, что св. Церковь устами Самаго Христа и апостоловъ возвѣщаетъ о страшномъ судѣ и гееннѣ. Человѣку думается, что будетъ какъ-нибудь иначе, и ужасы геенскіе минуютъ его: вѣдь, живутъ всѣ такъ, какъ и онъ, и не проникнуты особыми страхами. Подлинно, ничѣмъ въ данномъ своемъ разсужденіи не отличается человѣкъ отъ глупой овцы стада, которая слѣдуетъ за всѣмъ стадомъ, идетъ туда, куда всѣ и

*) Произнесено во Владикавказскомъ Каѳедральномъ соборѣ 5-го февраля 1917 года.

почувствуетъ ужасъ, когда сама увидить воочию приближившуюся гибель. Человѣку кажется, что ужасы геенны какъ-нибудь минуютъ его. Почему же? Не укажетъ ли онъ только на бессмысленное „авось“, которымъ всегда и въ житейскихъ дѣлахъ хочеть оправдать свою безпечность, нерадѣніе и лѣность? Безпечность — плодъ невѣрія въ вѣчныя муки. Если бы жива была вѣра въ муки вѣчныя, если бы человѣкъ зналъ, что муки неизбѣжны, какъ неизбѣжно сгорѣтъ человѣку, не отходящему отъ близкаго огня, то неужели не сталь бы онъ остерегаться? „Помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши“, — на немъ сбывались бы эти слова Премудраго.

Люди не вѣруютъ въ вѣчныя мученія или вѣруютъ, но думаютъ, что все не такъ страшно будетъ, какъ говорится въ евангеліи. Почему же? Развѣ не можетъ быть вѣчныхъ мукъ? Развѣ невозможно допустить эти муки? Вѣдь, муки вѣчныя начинаются уже на землѣ, человѣкъ носитъ ихъ въ сердцѣ, еще не перешедши въ жизнь загробную. Невѣрующіе въ вѣчныя муки пусть скажутъ, кто изъ нихъ не мучится никогда, живя на землѣ? Кто проводитъ дни свои вполне счастливо, доволью и безпечально? Вѣдь, счастье рѣдкій цвѣтокъ, который напрасно ищутъ цѣлую жизнь люди и не находятъ того, чего желали. Если и найдутъ, то какъ скоро цвѣтокъ увядаетъ! Какъ самая пламенная страсть скоро блекнетъ, пресыщаетъ человѣка, и онъ ищетъ удовлетворить ее иначе! Даже самыя сильныя радости, наполняющія душу восторженнымъ блаженствомъ, какъ напимѣрь, счастливая любовь, какъ она скоро блекнетъ! Сколько, кромѣ того, ведетъ за собою мукъ, когда на пути стоятъ препятствія! Сколько мукъ отъ ревности, отъ разныхъ подозрѣній, изъ-за опасенія потерять то, что дорого! Люди какъ будто такъ часто жизнерадостны, смѣются, веселятся всячески, но кто изъ этихъ веселящихся не томится по временамъ ощущеніемъ душевной пустоты, ничѣмъ не наполни-

мой, чувствомъ разочарованія, недовольства, томительной убійственной скуки! Если счастливые не считаютъ часовъ, то какъ скучно течетъ время для многихъ и для всякаго почти во многіе дни и годы его жизни! Какъ хочется ему „убить“ это мучительное для него время! Кого не гложетъ тоска? Кто не чувствуетъ никогда, что чего-то недостаетъ его жизни? И эта тоска или ощущеніе недостатка чего-то нужнаго недостающаго, при всемъ видимомъ счастьи, развѣ не помрачаетъ счастья жизни? Развѣ не есть зародышъ томимой муки въ душѣ, зачатки муки вѣчной? А что сказать про муки совѣсти? Кто ихъ не испытывалъ? Вѣдь всякое дѣло, противное совѣсти, оставляетъ въ душѣ горькій осадокъ, расстройство, тревогу, муку! А сколько такихъ тревогъ ежедневно? Сколько ихъ накопится въ теченіи цѣлой жизни?

Во всякой радости человѣческой замѣтенъ уже для внимательнаго взора отблескъ слезъ, ощущается дыханіе печали, скорби и муки, если человѣкъ съ совѣстію своею мало считается и объ евангельскихъ велѣніяхъ не размышляетъ. Наоборотъ посмотрите на истиннаго христіанина, какъ онъ, несмотря на великія лишенія, однако свѣтлѣ лицомъ и настроеніемъ духа, какъ онъ не впадаетъ никогда въ безпросвѣтное уныніе, во всемъ находитъ источникъ примиренія. Въ его слезахъ уже замѣтенъ отблескъ высшей неземной, вѣчной радости. Счастіе человѣка грѣшника — красивое яблоко съ изъѣденною внутри сердцевиною; печали праведника — небольшая царапина на кожѣ этого яблока при здоровой сердцевинѣ: счастье перваго, при видимой постоянной радости, подтачивается непрестанно червемъ мучающей его совѣсти; второй терпитъ въ мірѣ скорби, но безвредныя для самого сердца, носящаго въ себѣ зародышъ жизни вѣчной.

И такія тревоги и муки совѣсти грѣшника ничѣмъ неутолимы. Пусть многія тревоги тотчасъ почти улегаются,

какъ пробѣгающія по морю волны, но это не значитъ, что онѣ пропали безслѣдно, какъ и волна потомъ является въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь и разстройства здоровья тѣлеснаго не пропадаютъ безслѣдно, но улегаясь на время, постепенно копятся и порождаютъ, наконецъ, общее разстройство здоровья, болѣзнь и самую смерть. Вѣдь, если бы не было разстройствъ, то что мѣшало бы человѣку жить вѣчно? Такъ и въ душѣ никакія тревоги не исчезаютъ безслѣдно! И сколько же ихъ накопится, когда произведутъ онѣ общее разстройство въ жизни души! Какая тогда создается въ душѣ мука! Подлинно, что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ. Онъ въ самомъ себѣ, въ самыхъ дѣлахъ своихъ, носитъ муку, „судь себѣ ѣсть и пѣть“, по слову св. апостола (1 Кор. 11, 29), живя „недостойно“. Въ душѣ ничто не пропадаетъ безслѣдно, даже то, что она восприняла почти безсознательно, на примѣръ, такъ вліяетъ на насъ окружающая среда, люди и обстановка. Быть можетъ, вся жизнь иныхъ людей слагается подъ вліяніемъ этой среды. И если постоянно воспринимаетъ человѣкъ въ душу мысли соблазнительныя, а мысли порождаютъ въ душѣ чувства, желанія и дѣла, съ совѣстію несогласныя, то сколько же на копится такихъ худыхъ слѣдовъ въ душѣ, которые человѣкъ воспринималъ ежедневно, ежечасно, ежеминутно въ долгіе годы своей жизни? Вѣдь каждымъ своимъ поступкомъ и помышленіемъ тайнымъ человѣкъ чертитъ, создаетъ, какъ бы свой будущій образъ, подобно тому какъ живописецъ или фотографъ, и если этотъ образъ пока еще темень, не проявленъ, то онъ будетъ нѣкогда проявленъ, подобно фотографическому образу, Господомъ на страшномъ судѣ, когда Господь „во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя“ (1 Кор. 4, 5). Подлинно, червь „неумирающій“, „неусыпающій“, о которомъ говоритъ Господь, не есть какое-либо изобрѣтеніе ума человѣческаго; этотъ червь зарождается и растетъ въ мукахъ

совѣсти еще во время земной жизни. Вѣдь такъ много самоубійць! Не потому ли они покончили съ собою, что не могли снести начавшихся нестерпимыхъ, неутолимыхъ мукъ совѣсти, мукъ разбитаго счастія, мукъ отъ обманутыхъ надеждъ, разрушенія желательнаго строя жизни? И геенна— не призракъ; вѣдь, огонь страсти, заключающій въ себѣ муку, уже и есть начало огня геенскаго, который будетъ горѣть и не угасать, если человекъ не позаботится во время земной жизни угасить его.

Вотъ почему святые такъ старались помнить всегда о судѣ и геенѣ огненной, какъ на примѣръ, пр. Ефремъ Сиринъ, который, „часъ присно провидя суда, рыдалъ горько“ (конп. свят. 28 янв.). Вотъ почему предки наши такъ держали всегда въ памяти страшный судъ, съ изображенія его на картинѣ и въ словѣ въ лицѣ князя Владимира начали обращеніе къ христіанству, съ памятью о страшномъ судѣ выходили всегда изъ храма, надъ входомъ въ который изображали страшный судъ, оживляли память о немъ картинами на стѣнахъ домовъ, духовными стихами и т. д. И наоборотъ, ослабѣвая въ памятованіи страшнаго суда, какъ стали позднѣйшіе— потомки забывать и завѣты Христа! Они болѣе помнятъ то, что ихъ занимаетъ, что пріятнѣе. О страшномъ судѣ они забываютъ, потому что память о немъ могла бы разрушить радости жизни земной, забываютъ; думая, что до суда еще далеко, и время его неопредѣленно. Какъ люди не заботятся о землетрясеніи, которое наступитъ еще, какъ они думаютъ, не скоро и въ неопредѣленный срокъ, такъ не беспокоятся и о приближеніи суда, невѣріе же укрѣпляетъ въ состояніи такой безопасности. Какъ люди предъ потопомъ всемірнымъ не хотѣли вѣрить проповѣди Ноя, такъ и нынѣ люди пребываютъ въ безопасномъ невѣрїи, тѣмъ болѣе, что наука вѣка сего внушаетъ нерѣдко, будто и всемірный потопъ и огонь вѣчный—пустыя сказки.—Какъ, думаютъ иногда они, можетъ быть судъ

столь страшнымъ, если Судію будетъ Христось, исполненный столь великой любви къ людямъ, кротости и всепрощенія? Но, вѣдь, эта-то кротость именно и усилить страхъ суда. Если грѣшники на землѣ живя, такъ боятся праведника, такъ стараются обойти его и не встрѣтиться съ нимъ, то какъ встрѣтятся лицомъ къ лицу со Христомъ, кроткимъ безгрѣшнымъ Праведникомъ, помня всѣ дѣла свои, какими каждый день Его прогнѣвляли? Вѣдь, кроткій ликъ Христа будетъ чистѣйшимъ зеркаломъ, въ которомъ особенно ясно отразится вся нечистота и неправда ихъ жизни! И хотя бы ликъ Господа оставался неизмѣнно кроткимъ, не собереть ли именно эта кротость и „горящіе уголья“ на головы грѣшниковъ (Притч. 25, 22, Римл. 12, 20)? Горе тѣмъ, у кого эти уголья не возжгутъ въ сердцахъ пламеннаго раскаянія во время земной жизни, у кого вслѣдствіе окамененія сердечнаго обратятся въ пламя неугасающее геенны огненной!

Какъ же нужно и намъ неослабнѣе хранить память о послѣднемъ страшномъ судѣ Христовомъ и мукахъ геенны огненной! Какъ нужно, живя на землѣ, плакать и радоваться совсѣмъ не о томъ, о чемъ обычно мы плачемъ и радуемся, замѣнять бесполезныя печали вѣка сего скорбью, полезною для души въ ея жизни вѣчной, радостямъ суетнымъ мимолетнымъ предпочитать радости во Христѣ нескончаемыя! Какъ нужно вслѣдъ за св. Церковію, изъ глубины сердца воздыхая, молиться: „молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя, яко золь душа моя исполнися, и животъ мой аду приближися!“ (ирмос. 8 гл.), или словами пѣсней нынѣшняго праздника: „увы мнѣ, мрачная душа! доколѣ отъ злыхъ не отрѣваешься? Доколѣ уныніемъ слезиши?.. что не трепещеши вся страшнаго судища Спасова?“ (стих. на стих.), и еще: „помышляю день страшный и плачуся дѣяній моихъ лукавыхъ. Како обѣщаю безсмертному Царю? Коимъ же дерзновеніемъ воззрю на Судію блудный азъ? Благоутробный Отче, Сыне Единородный, Душе Святой, помилуй мя!“ (сѣдал. по 3-й пѣсни кан. праздн.)

Епископъ Ѡаддей.